

Я подсаживаюсь к нему за столик как раз между первой его чашкой кофе и второй, когда мистер Джон Джаспер Лауд уже разложил перед собой свежую газету и не ждет от мира никаких сюрпризов. И тут вдруг появляюсь я. И водружаю большой черный саквояж, похожий на маленький гроб, — прямо поверх раскрытой «New York Times».

На мне черное пальто и черная шляпа. На руках у меня черные перчатки. Усы и брови у меня, кстати, тоже черные.

— Я ничего у вас не куплю, — сердится мистер Дж. Дж. Лауд. Он еще не знает, какой интересный разговор нам предстоит.

— А я вам ничего и не продам, — отвечаю я. — Вы напрасно приняли меня за коммивояжера. В этом саквояже нет образцов товара. Зато там имеется шестизарядный кольт «Уокер» — сорок четвертый калибр, усовершенствованный ударно-спусковой механизм. А еще там лежит некая сумма в банковских бандеролях. Вы сами скоро выберете, что именно мне извлечь в ближайшие десять минут.

Теперь-то мистер Дж. Дж. начинает кое-что соображать.

— Да кто вы, собственно говоря, такой? — бормочет он, отодвигаясь от меня подальше. — И что вам вообще нужно?

Второй вопрос — правильный, а первый — совершенно излишний. Но из вежливости (ведь я вежливый человек!) отвечаю ему на оба.

— Я посланник, — терпеливо объясняю я. — То, что вы сейчас услышите, не подлежит огласке. Не вздумайте когда-нибудь и кому-нибудь передавать содержание нашей беседы. Иначе пожалеете. Вы поняли меня? Если да, кивните. Если нет, я повторю еще раз.

Моя преамбула производит впечатление. Дж. Дж. удивленно кивает.

— Отлично, — говорю я. — Тогда сразу к делу. Вы имеете представление о франкмасонах? О тамплиерах? О розенкрейцерах? Что, самое смутное? Пусть вас это не беспокоит: ни одно из перечисленных тайных сообществ я не представляю. У организации, которая послала меня к вам, гораздо более древняя история и совсем нераскрученный бренд... Так что вы зря смотрите на мой перстень — это просто перстень, который я купил в антикварной лавочке на 42-й улице за двести баксов. Секретные знаки отличия и прочая мишура нашей организации не требуются. Мы предпочитаем быть в тени. Однако мы достаточно сильны, чтобы стереть вас в порошок, и достаточно богаты, чтобы выкупить ваш бизнес. Как вам, например, такое предложение? — Я называю несколько цифр.

Дж. Дж. слегка розовеет. Без упоминаний о кольце сумма могла бы показаться ему не такой уж огромной. Но когда неподалеку от пряника маячит кнут, пряник всегда выглядит убедительнее.

— Значит, вы сами.. э-э... хотите заняться выпуском продукции? — осторожно интересуется он. — Тогда вам следует знать...

Обожаю честных людей! Рядом с ними самому хочется быть честным.

— Нет-нет, — прерываю я Дж. Дж. — О ваших достижениях и о ваших трудностях мы осведомлены. Мы знаем, что у ваших изделий уже плавный ход, но они еще кое-где протекают. Все это нас не волнует. Мы хотим свернуть исследования и закрыть производство.

Брови Дж. Дж. взлетают ко лбу. Такого он не ожидал.

— Мы, мистер Лауд, не занимаемся бизнесом, — объясняю я. — Мы не коммерсанты, а филантропы. Мы не вкладываем деньги, а тратим, и все — ради спасения человечества. С незапамятных времен наша организация отслеживает открытия и изобретения, которые могут изменить жизнь всех людей в худшую сторону. Вы не задумывались над тем, почему, например, у Джона Толивера Томпсона ничего не получилось с его самозарядной винтовкой? И почему мистер Нобель не сумел усовершенствовать нитроглицерин? Мы действуем тихо, но эффективно. Мы — предохранительный клапан на паровом котле, чтобы котел не разорвало на куски. Вот почему мы не хотим, чтобы ваша продукция попала на рынок. Мы убеждены, что она принесет вред, и будем стараться любыми способами этому помешать...

— Но почему?! — Дж. Дж. так сильно всплескивает руками, что чуть не сбивает со стола мой черный саквояж. — Это ведь не оружие! Это всего лишь письменная принадлежность! Ну чем, объясните мне, простая шариковая ручка может навредить людям?

— Ах, мистер Лауд, — вздыхаю я, — хороший шахматист должен заглядывать хотя бы на один ход вперед. Вы даже не представляете всех пагубных последствий вашего открытия. Посудите сами: тысячи и тысячи лет человечество двигалось от первобытных каракулей и замысловатых пиктограмм к ясному

и прозрачному письму. Школьники трагично тратили сотни тысяч часов, чтобы выработать хороший почерк. Каллиграфия дисциплинировала мысль... А что теперь? Шариковая ручка, попав к людям, неизбежно испортит почерк миллионов, возвратит нас назад — к каракулям и палеолиту. Мы провели исследования и выяснили, что почерк будет ухудшаться необратимо. А поскольку между рукой и мозгом есть не только прямая, но и обратная связь... Ну, вы понимаете. Эволюция далась человечеству слишком дорогой ценой, чтобы можно было рисковать... Повторяю еще раз: выбор за вами, мистер Лауд. Если вы не отступитесь и не возьмете деньги, у нас, к сожалению, не будет другого выхода, кроме как... — Я похлопываю по черному кожаному боку саквояжа.

Десять минут спустя Дж. Дж. суетливо исчезает, забрав пачки наличных и оставив мне договор, подписанный по всем правилам. Надеюсь, я пронял его не только суммой, но и своим красноречием. Если так, я горжусь собой: это выступление я репетировал вчера раз двадцать, и сохранить серьезное лицо и убедительные интонации было не легче, чем носить всю эту похоронную хламиду из лавки старьевщика. «Мы — предохранительный клапан на паровом котле»... Как сказано, а? Поэзия. И этих двух лузеров, Томпсона с Нобелем, я тоже очень удачно приплел. Меня предупреждали, что Джон Джаспер Лауд — человек наивный и впечатлительный. Черные одежды плюс болтовня должны были сработать, и они сработали.

Заказав себе кофе, я раскрываю саквояж и бережно упрятываю туда экземпляр договора. Никакого кольца, разумеется, в саквояже не было и быть не может. Кто я, по-вашему, киллер? Я менеджер.

Бизнес неумолим. Из двух выживает один — не умнейший, так хитрейший. Кто-то верно заметил, что если бы таблица умножения затрагивала чьи-то коммерческие интересы, она бы оспаривалась. Воистину так! Землю вращают не стихии, но деловые люди, которые четко знают от и до, что им полезно, а что вредно. Я и сам, если дело того потребует, готов переодеться хоть ангелом, хоть Сатаной, и добыть доказательства, что дважды два — пять.

С каждым глотком кофе во мне просыпается нечто вроде жалости к тем, кто до сих пор страдает от романтизма, доходящего до идиотизма. Есть же такие доверчивые олухи, которых даже обманывать нелегко. Кое-кто еще готов купиться на сказочку про общество филантропов, радеющих за человечество! Бедняге и в голову не приходит, что у нашей с ним встречи есть куда более простое и очевидное объяснение. Конечно же, рано или поздно даже он поймет, кому его шариковые ручки — поперек дороги. Но поздно, дело уже сделано, назад пути нет. Теперь-то мой босс, мистер Эберхард фон Фабер может спать спокойно: отныне его карандашным фабрикам на годы вперед конкуренция не угрожает!..

Осторожно, чтобы не перепачкать руки свежей типографской краской, я перелистываю газету, которую забыл на столе Лауд.

В мире скучно. Мелкие политические скандалы, мелкие локальные войны. Ни прорывов, ни потрясений, ни взлетов. Я не такой уж знаток истории, но, по-моему, за последние сто лет человечество изрядно поглупело — и притом безо всяких шариковых ручек.

Да вот вам, пожалуйста! В долине Китти-Хоук, Северная Каролина, под улюлюканье публики грохнулся планер конструкции братьев Райт, похоронив под собой мечту о летательных аппаратах тяжелее воздуха. И так во всем, с горечью думаю я. Провал за провалом. Пресловутый «беспроволочный телеграф» синьора Маркони оказался мелким жульничеством, опыты Тьюринга — выходкой сумасшедшего, «фонограф Эдисона» — рекламным трюком, и даже мсье Луи Дагер, которого еще на прошлой неделе газетчики называли выдающимся автором «химической живописи», на днях покаялся в том, что, мол, слухи о его открытии преувеличены... Ну и народец! Стыд, позор.

Расплатившись за кофе, я выхожу на улицу. Только что прошел дождь, и булыжная мостовая — мокрая и скользкая. Хотя путь до дома неблизок, я выбираю велорикшу. Пусть медленнее, зато с комфортом. Терпеть не могу такси: пока доедешь, сто раз успеешь пропахнуть дымом и копотью. На календаре уже две тысячи пятнадцатый год от Рождества Христова, а наши паровики — все такие же неудобные, неуклюжие и вонючие, как и пятьдесят лет назад. Хорошо еще, что запасов каменного угля хватит на несколько поколений. А то ведь пришлось бы использовать дрова.

Пока велорикша лавирует среди клубов пара, я размышляю о везении и невезении. Позавчера огласили завещание покойного деда. Моему двоюродному брату, этому напوماженному подхалиму, достался участок с прекрасной угольной шахтой, а мне — никчемный клочок земли в Оклахоме, весь загаженный нефтью. Вот если бы из нее можно было гнать топливо, уж я бы точно не вкалывал на старика фон Фабера. Но нефть, как известно, бесполезна и даже вредна: врачи точно доказали, что продукты ее сгорания для здоровья чрезвычайно опасны — вызывают лихорадку, чесотку и геморрой.